II. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).065

П.А. Мацюта

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ КОНТРРАЗВЕДКИ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ «ДЕЛА МАРИАМСКОГО»

На основании «Дела Мариамского» 1751 г., опубликованного в «Архиве князя Воронцова», анализируется эпизод из истории тайной дипломатии. Автор выводит структурную цепочку системы российской дипломатической контрразведки (сотрудники дипломатии – Коллегия иностранных дел во главе с государственным канцлером – императрица) и приходит к выводу, что в руководстве контрразведки, фактически возглавляемой канцлером А.П. Бетужевым-Рюминым, всегда незримо присутствовала Елизавета Петровна. Доказывается неразрывность тайной дипломатии и авантюризма того времени.

Ключевые слова: «Архив князя Воронцова», Елизаветинская Россия, контрразведка, тайная дипломатия.

Принято считать, что до «дипломатической революции» 1756 г. основными соперниками России в закулисной дипломатии были Франция и Пруссия. Попытки этих государств устранить российского канцлера А.П. Бетужева-Рюмина (1693–1768) привели к тому, что последний считал Пруссию и Францию чуть ли не личными врагами. Это нашло свое завуалированное концептуальное отражение в так называемой системе Петра Великого, которую активно внедрял в жизнь Алексей Петрович. Он же открыл новую страницу в истории российской контрразведки и дипломатии, изначально направленной против прусско-французских происков.

В «Архиве князя Воронцова» (АКВ) содержатся различные документы, в которых широко представлена внешняя политика России елизаветинской эпохи. Среди них есть малозначительные, но очень примечательные источники, касающиеся отдельных эпизодов данного периода. К таковым относится «Дело о студенте Мариамском и его политических похождениях. 1751» (далее – «Дело Мариамского»), опубликованное в 4-й книге АКВ [1. С. 23–35]. Документ был подготовлен 11 ноября (ст.ст.) 1751 г. в Коллегии иностранных дел (КИД) для предоставления канцлером «Высочайшего Ея Императорского Величества известия».

В структуре документа можно выделить три условные части: 1) введение, в котором идет речь о дипломатической службе Павла Мариамского в Вене с 1745 г., о попытках прусских агентов его завербовать в 1747 г., о побеге Мариамского от венских кредиторов; 2) явка Мариамского с повинной и раскрытие им замыслов французских агентов Кастеры, Левендаля и князя Кантакузина; 3) допрос Мариамского секретарем Суворцовым.

В первой части узнаем, что «малороссиянин» Павел Мариамский учился в Вене. Он получил от КИД назначение в канцелярию чрезвычайного посланника Людовика Ланчинского (?–1752) в Австрии. В 1747 г. Мариамский сообщил Ланчинскому о «двух Прусских шпионах Бредауе (*sic!*) и Флиссинке». Первый из них склонял студента к предательству. Пруссак хотел заполучить шифры, которыми российские дипломаты пользовались в переписке с КИД, и обещал за это две тысячи гульденов на основе указа некоего короля, очевидно Фридриха II. Поскольку коды хранились «у Ланчинского в крепком ящике», Мариамский получил «воровские ключи». Однако студент рассказал обо всем своему начальнику, который затем получил предписание требовать от австрийцев ареста Бредау. Последний спешно покинул Вену [1. С. 24].

Нужно отметить, что тогдашнее шифровальное дело основывалось, прежде всего, на цифровой передаче букв, артиклей (для французского и немецкого языков), реже слогов и отдельных слов. Кроме западноевропейских языков, российские дипломаты широко использовали русский и греческий. Также к шифру относились так называемый суплемент (от фр. «дополнение») и «пустышки», которые должны были вводить в заблуждение непосвященных лиц во время попыток дешифрации. «Суплемент» представлял собой набор символов и знаков, которыми кодировались собственные имена, географические названия, устойчивые выражения и т.п. Ключ к шифру и способ расшифровки оговаривались в правилах заранее.

Письма и реляции кодировались, так как их часто перехватывали во время доставки. Перехват нередко происходил втайне от адресанта и адресата: конверты аккуратно раскрывались, содержание

переписывалось, далее все запаковывалось и отправлялось получателю. В 1730–1740-х гг. российские шифры усовершенствовались. Согласные буквы получили по 1–2 цифровых значения, гласные – в несколько раз больше [2. С. 60, 86]. В таких условиях заинтересованность прусских (и не только) шпионов в новых российских «цифрях» была вполне естественной. Нужно сказать, что агенты Фридриха II задолго до Семилетней войны (1756–1763) смогли завербовать саксонских и австрийских дипломатов [3. С. 143]. Поэтому Мариамскому следовало бы отдать должное за проявленную верность российской короне. Тем не менее он был отлучен от доступа к шифрам, а позже, «без ведома его Ланчинского жениха и нажив великие долги, от него из Вены сбежал и безвестно пропал» [1. С. 24].

Исчезнувший Мариамский попал в поле зрения КИД в 1751 г., когда беглец отправил в Варшаву из Львова письмо на имя М.П. Бестужева-Рюмина (1688–1760), бывшего российского посланника при саксонско-польском дворе. Письмо получил секретарь Ян Ржичевский (1703–?), поскольку к тому времени (1751) Бестужев-Рюмин уже был послом в Вене [4. С. 794]. Студент просил освободить его от долгов и взять на прежнее место службы либо отпустить на новое место, куда его звал резидент Луи Дюперон Кастера (1705–1752) с жалованьем в 800 ливров в год.

Понятно, что беглецу не могли такого позволить. Ржичевский получил приказание вызвать Мариамского в Варшаву, заверив последнего в прощении, а потом оправить его морем в Петербург. И уже в августе бывший студент лично докладывал в КИД об обстоятельствах своего побега из Вены, а также о «вредительных Французских интригах», в которых называл имя графа Левендаля и князя Кантакузина. Сказанное показалось чиновникам недостаточным, чтобы принять решительные меры. Но вскоре от гданьского агента Каспара Шерера (1689–1755) в КИД пришло три письма Левендаля, адресованных агенту, в которых российский дипломат «приглашался» к графу в Гамбург. После этого немедленно были составлены семь «вопросных пунктов» для нового допроса Мариамского. Эти пункты составляют третью часть документа.

В первых четырех пунктах узнаем, что на самом деле Павел Мариамский – серб, а не украинец. Из-за долгов он бежал к своей матери в Венгрию, однако, не имея возможности собрать там необходимую сумму, в скором времени направился в Польшу. Там, «скитаясь по разным городам и переменяя себе имена, у Польских шляхтичей во

услужении находился, а в Варшаве с Французским резидентом Кастерою спознался» [1. С. 26]. Француз предложил ему послужить переводчиком с польского на русский. Вместе с тем Мариамский получил от неназванного греческого архимандрита рекомендацию «трудоустроиться» у князя Кантакузина, который находился в Кракове, собирался ехать на родину и «годных людей и офицеров с собою взять» [1. С. 26–27]. Последнее предложение заинтересовало бывшего студента. По пути в Краков в апреле 1751 г. он по совету Кастеры заехал в Жешув (в документе «Решев»), где встретился с графом Левендалем.

Пятый и шестой пункты – наиболее интересные, так как в них раскрываются авантюрные замыслы Левендаля и Кантакузина. Граф Ульрих Левендаль (1700–1755), французский маршал, известный своей службой разным монархам Европы, в том числе российской короне, окончил свое служение при Версальском дворе. В биографии военачальника видим, что он в последний раз участвовал в боевых действиях во время Войны за австрийское наследство (1740–1748). Остаток жизни граф провел на покое в замке Ферте [5. С. 280–281]. О его пребывании в Жешуве никаких известий не находим. Такому положению вещей может быть два объяснения: а) эпизод 1751 г. – тайный и малоизвестный факт из жизни Левендаля; б) некий самозванец пользовался авторитетом имени маршала, чтобы реализовать версальский проект, или замыслы польского короля-изгнанника Станислава Лещинского (1677–1766), или свои собственные. Для исследуемой эпохи назваться чужим именем было обычным делом. Впрочем, в КИД считали, что упомянутый Левендаль был тем самым, который «получил в 1745 г. отставку из Военной Коллегии» [1. С. 27]. Как бы то ни было, встреча Мариамского с указанной персоной спугнула коллежских чиновников.

Во время встречи оказалось, что граф и бывший студент были членами одной ложи: «Левендаль, учиня инсигния фремазонские, по обычаю фремазонскому поцеловался с ним Мариамским» [1. С. 27]. Это, конечно, настроило двоих масонов к откровенному диалогу. Мариамский узнал, чего от него ожидают в случае поступления на службу. *Во-первых*, студент, сменив имя, звание и внешний вид, должен был поехать в Россию и ожидать там дальнейших инструкций. *Во-вторых*, в качестве курьера он должен был передать «письма и другия вещи». Павел заподозрил: его желают отправить к Разумовским. Левендаль сказал, что скоро умрет императрица и братья получают «вместо орденов кнут, а вместо деревень и Малороссии

Сибирь или голову» [1. С. 28–29]. Маршал давал понять, что французы желают завербовать Разумовских. Возможно, они вынашивали план отколоть Гетманщину от России, но прямых подтверждений этому в документе нет.

Примечательно, что всего лишь год прошел после восстановления Гетманщины (1750), а враги России уже пытались использовать ее во вред российскому самодержавию. Что же касается вольных каменщиков, мы считаем, что их организация в описываемом деле не имела большого значения. Членство Левендаля и Мариамского в масонской ложе было данью тогдашней моде. Становление масонства в континентальной Европе началось в 30-х гг. XVIII в. и еще продолжалось во время описываемых событий [6. С. 58, 98]. Поэтому рассуждать о существовании какого-либо масонского заговора против России в середине XVIII в. не приходится. Намерения Левендаля относительно Разумовских – это французский политический проект безо всяких мистических наслоений.

Получив от графа советы как вести себя с князем Кантакузиным, Павел поехал в Краков. О князе известно немного. Он был представителем одного из родов, правивших Молдавией и Валахией. Одна из ветвей рода в XVIII в. перешла на службу в Россию [7. С. 312]. Очевидно, речь шла о Рудольфе Кантакузине, брате бывшего российского генерал-майора Константина Кантакузина. Константин в мае 1746 г. получил отставку («абшит») и вскоре, пребывая в Вене, был арестован австрийскими властями и «за богомерзкие открытые его умыслы, в вечную темницу посажен» [1. С. 37; 8. С. 79, 99]. Поэтому Рудольф решил отомстить за брата.

По свидетельствам Мариамского, Кантакузин в своих письмах к великому визирию: 1) требовал от Порты утвердить для себя и своей семьи права на трон Валахии, за это вызвался собрать 20 тыс. регулярного войска вместе с инженерами и артиллеристами; 2) обещал подчинить султану Славонию, Черногорию и Банат; 3) брался организовать защиту русско-турецкого пограничья; 4) соглашался предоставить османам французские и прусские гарантии относительно выполнения вышеупомянутых обещаний. Эти гарантии состояли, прежде всего, в финансовой поддержке. Также Кантакузин собирался предложить Порте, чтобы она в военное время принялась «Малороссиянам и Запорожским казакам <...> обещать ту самую вольность», которую имело придунайское население [1. С. 33]. Как видим, основной удар княжеского гнева был направлен против Австрии, но России также «перепадало». Понятно, что это,

вместе с возможными планами выйти на контакт с Разумовскими, однозначно настораживало Санкт-Петербург.

Последний, седьмой пункт освещает соображения Мариамского касательно сказанного им при допросе. Он признается, что зря не дождался инструкций от Левендаля, поскольку тогда можно было бы лучше судить о французских замыслах. Также он рекомендует Коллегии отправить в Варшаву и Краков агента, который, маскируясь, встретился бы с местными «фрамазонами» и Кастерой. Мариамский уверяет, что все отношения с названными иностранцами были им осуществлены ради разведки «злостных» замыслов и интриг.

В последнем абзаце документа показания Мариамского «подтверждаются» его исповедью, когда «под клятвою объявил, что он все то, еже им Коллегии в допросах письменно показано и донесено, по самой истине правда, без всякой утайки открыл» [1. С. 35]. Позже пути Павла Мариамского и его «дела» разошлись. В ноябре 1752 г. Павла освободили из-под караула и отправили в Оренбург работать переводчиком при губернаторе Иване Неплюеве (1693–1773). Конечно, бывший студент оставался под надзором. В марте 1754 г. императрица снова рассматривала вопросы, связанные с судьбой Мариамского. На этот раз дело касалось жены бывшего беглеца и его ребенка. Австрийка Терезия, приехала в Петербург из Вены с малолетним сыном и подала прошение позволить им принять православие и переехать к мужу, на что было получено высочайшее соизволение и пожаловано 300 рублей [8. С. 315, 344].

На примере «Дела Мариамского» хорошо виден начальный этап работы дипломатической контрразведки. Сообщение, подготовленное для Елизаветы Петровны, показывает, как проходил процесс первичного сбора информации, об угрозах интересам России (первые известия о действиях Мариамского до 1751 г.; его новый, детализированный допрос в свете данных, сообщенных Шерером). Кроме того, ясна структурная цепочка тогдашней российской контрразведывательной дипломатической системы: сотрудники дипмиссий – Коллегия иностранных дел во главе с государственным канцлером – императрица. Эта цепочка работала в обоих направлениях. Важно то, что Елизавета Петровна была проинформирована даже о рутинных, «обыденных» делах, подобных случаю с Мариамским. Это ярко свидетельствовало о ее активности во внешней политике и слаженности работы внешнеполитического ведомства (что выгодно отличало российскую императрицу, к примеру, от Людовика XV с его «секретом коро-

ля», конкурировавшим с соответствующим королевским министерством). Иными словами, в руководстве контрразведки, фактически возглавляемой канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, незримо присутствовала царица. Не следует пренебрегать и ролью Мариамского, ведь именно благодаря ему были раскрыты замыслы неприятелей. Его «дело» также представляет собой образец практического действия такого юридического института, как явка с повинной, что, в свою очередь, является яркой иллюстрацией (отсутствие возможной казни Мариамского) елизаветинского милосердия.

Исследуемый документ также является примером шпионских авантур, которыми была проникнута вся описываемая эпоха. Тогда дипломатическая, военная и колонизационная история пестрела различными «приключениями». Мы можем утверждать, что вся тайная дипломатия в той или иной степени была неразрывно связана с авантюризмом. При этом в авантюрах «Дела Мариамского» прослеживается многослойность, в которой пересеклись пути различных авантюристов из нескольких стран. Французская корона сама прибегла к авантюре, чтобы защитить свои интересы у «восточного барьера», и была готова руками авантюристов усилить влияние в Польше и Порте, параллельно действуя против Австрии и России. Французы были согласны привлечь абсолютно несопоставимых «деятелей»: для них хорошую службу мог сослужить как самодостаточный и заметный князь Кантакузин, так и неприметный служащий Мариамский, которого можно назвать

авантюристом-пешкой. Мариамский искал свое место, но не нашел его, метался по свету, попадая под разное влияние, и, в конце концов, все закончилось «делом».

Возможно, в КИД и возникали сомнения в правдивости рассказа бывшего студента, однако его слов оказалось достаточно, чтобы со временем (в марте 1752 г.) отправить двух агентов, которые должны были разобраться с французскими планами (см.: «Секретная посылка Веймарна и Шпрингера» [1. С. 36–45]). Таким образом, «Дело Мариамского» нашло свое продолжение в дальнейших действиях тайной дипломатии А.П. Бестужева-Рюмина. Но этот вопрос заслуживает отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив князя Воронцова*. Кн. 4: Бумаги графа Михаила Илларионовича Воронцова / сост. П.И. Бартенев. М., 1872. 542 с.
2. *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002. 511 с.
3. *Меринг Ф.* Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд., испр.; пер. с нем. М.: Воениздат, 1941. 340 с.
4. *Русский биографический словарь* / под ред. А.А. Половцова. СПб., 1900. Т. II: Алексинский – Бестужев-Рюмин. 796 с.
5. *André Louis-Woldemar Sinety (marquis de).* Vie du maréchal de Lowendal. Paris, 1868. Т. II. 400 p.
6. *Русское масонство*. М.: Эксмо, 2006. 688 с.
7. *Энциклопедический словарь* Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XIV: Калака–Кардам. СПб., 1895. 480 с.
8. *Архив князя Воронцова*. Кн. 7: Бумаги государственного канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова / сост. П.И. Бартенев. М., 1875. 688 с.